292 г. от З.Э.

Королевская Гавань.

Красный замок.

Одна из самых прекрасных женщин Семи Королевств, по мнению большинства мужчин, в данный момент находилась в не самом лучше расположении духа, прожигая взглядом очередную толпу, собравшуюся уже в которой раз, чтобы послушать речи столичных септонов и их лидера. Расположившись на балконе, что выходил своим видом прямо на септу Бейлора, королева Вестероса в неудовольствии скрестила руки под своей грудью, в правой ладони её был зажат недопитый кубок сладкого арборского вина, который в последнее время она употребляла чаще обычного. Губы королевы Серсеи были плотно сжаты, глаза были прищурены из-за чего создавалось ощущения, что под бликами солнца, те горели яростным изумрудным пламенем, готовые испепелить любого, на кого упадет сей взор. В общем урожденная Ланнистер вид имела весьма грозный, даже можно сказать сравнимый с разъярённой фурией.

Так или иначе, но этот грозный во всех смыслах вид быстро исчез стоило только крепким мужских рукам обнять её со спины. Данные объятья не могли принадлежать никому другому кроме её возлюбленного брата, по крайней мере сама королева не позволила бы сделать подобное никому кроме него, Джейме Ланнистера, её запретной страсти. Стражник Белых плащей был лишён своих отличительных доспехов и находился только в простой, но богато украшенной ночной рубашке и холщовых штанах, от того его объятья в которые он заключил королеву были крепкими и тёплыми, а также очень нежными.

Вечер уже клонился к своему закату, родственники проводили своё время на одной из самых высоких и удалённых от основной суеты башен красного замка, где никто не смог бы их поймать и потревожить. Впрочем, длительное отсутствие королевы и гвардейца могли скоро заметить, так что в ближайшем времени им снова предстоит отказаться от роли любовников и стать братом и сестрой у всех на виду, но не более того. Однако, сейчас время для двух возлюбленных сердец словно остановилось, оставляя после себя тянущее чувство пустоты, до следующей их встречи в подобном месте.

- Тебя всё ещё это тревожит? – спросил Джейме, целую сестру в её тонкую шею. В этот раз королева никоим образом не отреагировала на проявление ласки.

- А сам ты как думаешь, Джейме? – с едва слышным недовольством задала Серсея риторический вопрос своему младшему брату-близнецу. - Как долго ещё будет продолжаться бездействие Аррена? Сколько можно терпеть то, как чернь с каждым днём всё ближе приближается к бунту?

- Старый Сокол делает всё возможное, чтобы прикрыть свою задницу и задницу Роберта. Со священниками не так-то просто иметь дела, особенно когда они вроде как находятся под защитой короны. – продолжил свои попытки унять недовольство старшей сестры королевский

гвардеец, плавно продвигаясь своими руками по всей поверхности её тела, от плеч и ниже. Королева не возражала действиям брата, хотя и не выражала расположения.

- И при этом поносят эту корону на чём свет стоит, неблагодарные ублюдки! – почти прорычала Львица с Утеса Кастерли, вырываясь из объятий брата и бросая серебряный кубок в парапет. С громким звоном чаша оттолкнулась от преграды, разливая содержимое, чтобы затем с размеренным звуком вернуться под ноги королевской особы. – Если бы Роберт хотя бы немного оправдывал своё звание Демона Трезубца, то он бы уже давно разделался с этим ублюдком, что ещё недавно кормился с наших рук. У Баратеона не осталась ничего, чтобы напоминало в нём мужчину и уж тем более короля. – закончила свою небольшую тираду мать наследников Железного трона, чтобы затем поежиться от неожиданно налетевшего пронзительного холодного ветра.

- Не стоит так серьёзно к этому относиться, сестрёнка. – притянул королеву к себе старший сын Тайвина Ланнистера, чтобы вновь заключить в свои объятья и согреть ту теплом своего тела. Цвет ярко-красного платья королевы постепенно тускнел, т.к. солнце неумолимо клонилось к закату, а его лучей, освещавших собой столицу Семи Королевств, становилось всё меньше. – Чернь на то и чернь, чтобы быть вечно недовольной. Как говорил наш отец: «Льва не интересует мнение овец» - помнишь ли об этом, сестра? – успокаивал возлюбленную как мог Джейме, зарываясь лицом в её золотистые волосы и шепча на ухо слова любви.

- Ты прав, Джейме. – словно домашняя кошка промурлыкала своим голосом Львица с Утеса Кастерли. – Но только отчасти. – остановила королева поцелуи младшего брата, прикасаясь ладонью к его щеке и глядя в лицо королевского гвардейца снизу вверх. – Отец написал мне письмо.

- О чём. – напрягся рыцарь, чьи воспоминания о собственном отце были не самыми положительными в его жизни. Взгляд его слегка скользнул в сторону, будто бы тот желал отвлечься от непрошенных мыслей.

- О верховном септоне, конечно же. Тот умудрился создать проблемы даже в Западных землях, а значит и нашему отцу. – на лице королевы неуловимо появилась надменная усмешка. – Переговоры с Арреном ничего не дали, так что теперь он рассчитывает на нас в этом вопросе. – привлекла она внимание брата, что сейчас находился мыслями не совсем с ней.

- Рассчитывает или приказывает? – уточнил Джейме, прекрасно знавший натуру их общего отца.

- Какая разница? – выгнула свою аккуратную бровь королева. – Для великого Тайвина Ланнистера это всё равно одно и тоже. – пожала мать будущего короля плечами, хотя её и несомненно задевало подобное отношение родного отца.

- Что он хочет, чтобы мы сделали? – с подозрением спросил тот, кого местные жители и лорды именовали про себя не иначе, как Цареубийца. Лишь немногие, вроде короля Роберта могли себе позволить называть так носителя белого плаща вслух.

- Ничего особенного, только разобраться с возникшей неприятностью своими силами. – злорадно хмыкнула Серсея Ланнистер, пытаясь взглядом найти фигуру верховного септона на площади перед септой Бейлора, которому оставалось толкать свои речи очень долго, по крайней мере при жизни. – Сделать то, на что неспособны старики и трусы из Малого Совета.

- Это может быть опасно. Чернь не простит, если кто-то убьёт их любимого жреца. – выразил свои сомнения старший сын Тайвина Ланнистера, задумчиво перебирая локоны волос своей драгоценной сестры.

- Вот почему чернь сама убьёт своего септона. – коварно улыбнулась, будущая королева-регент Железного трона. – Я уже отправила нескольких красных плащей подыскать подходящих для этого дела людей. Совсем скоро верховный септон захлебнётся в собственной крови, а черни не останется винить никого кроме самой себя. Может быть, она даже решит, что жрец умер по воле Семерых, а его слова станут не более чем бредом и ложью. Кто знает? – вырвалась королева из объятий брата и вернулась во внутрь покоев башни, т.к. солнце уже почти село, а её наряд не был предназначен для ночного времени суток.

- Значит отец всё продумал, как и всегда, да? – с непередаваемой интонацией отозвался Джейме Ланнистер, возвращаясь в покои следом за сестрой.

- А ты сомневался в этом, братишка? – беря в руки запасной кубок и наполняя его новой порцией вина из графина, вскинула королева свою аккуратную бровь. – Впрочем, отец описал план только в общих чертах. Детали и полноценная его реализация целиком и полностью лежат на нас с тобой, любимый. – прильнула Львица с Утеса Кастерали к груди любимого мужчина, а после потянулась вверх, чтобы слиться с ним в страстном кровосмесительном поцелуе.

В последнее время из-за конфликта церкви и короны им редко удавалось оставаться вот так наедине. Практически у каждого септона в репертуаре его выступлений находилась строчка о вине короля и королевы перед Семерыми, в частности, звучало множество обвинений в кровосмешении. К счастью для их секрета, ни один из жрецов не делал каких-либо уточнений по этому вопросу, из-за чего в Семи Королевствах сложилось мнение, что данные слова относятся к крови Таргариенов, текущей в жилах Роберта весомым потоком, тем более что и род Баратеонов был по факту основан бастардом Таргариенов и в последствии вступал в связь с правящей семьёй не единожды.

В общем пока что их собственный секрет и секрет рождения королевских детей каким-то чудом оставались тайной за семью печатями, но надолго ли? Именно по этой причине королеве и белому плащу пришлось многократно сократить свои встречи тет-а-тет, озаботившись не только собственной безопасностью. Рано или поздно кто-то подогадливей или сомнительней начнёт копаться в странной схожести всех законных детей короля с их непосредственным дядей по материнской линии, и тогда уж им придётся действовать решительно, чтобы в один момент вся их семья не лишилась голов. Пока что подозрений никаких нет, но Старый Сокол в последнее время всё чаще стал приглядываться к кронпринцу и его поведению, что не могло не вызвать беспокойство у двух любящих друг друга сердец.

Так что решить проблему с церковью Семерых было необходимо практически всем власть имущим людям в Королевской гавани, иначе в случае возникновении иного рода важных дел, всё это может вылиться в нескончаемую лавину, что похоронит под собой не один важный древний род Вестероса. Да и странные слухи, ходящие по Простору и далее, так и не желали стихать, а ведь они грозили целостности Железного трона, как такового. Потому беспокойство масс следовало унять как можно скорее и без лишнего шума, чтобы те, кто за ними стоял не смогли бы извлечь из них выгоду, а просто бы остались в дураках.

- Кажется наше время почти на исходе сестрёнка. – остановил Джейме руку королевы, когда та, не разрывая их с братом поцелуя, оказалась на его причинном месте, вызывая вполне естественную реакцию организма. – Скоро время ужина, думаю нас уже начали искали. – попытался переубедить Серсею её близнец, намекая, что им пора вновь вернуться к своим обычным ролям.

Однако возбуждённая королева не захотела слышать никаких слов и оправдания, а потому заткнула рот мужчины, с которым она делила ложе не один год, очередным яростным поцелуем, буквально толкая его на кровать. Возражать своей старшей сестре-близнецу младший уже не мог, а потому с головой отдался накрывшей их с головой страсти, которая неожиданным образом активизировалась вновь, после обсуждение убийства не самого последнего человека в Семи Королевствах и, в частности, Королевской гавани. Мало кто мог возбудиться после такого, но не Серсея Ланнистер, что находила в собственной жестокости ещё и волнующую мужчин похоть.

Практически оседлав своего возлюбленного брата сверху, королева продолжала свой яростный похотливый поцелуй, и при этом не забывая тереться своими разгорячёнными гениталиями о внушительное естество брата, которое было готово в любой момент вырваться из-под его исподнего. Сам же королевский гвардеец же вовсю ласкал своими руками тело королевы, при этом не забывая снимать с неё не такие уж и многочисленные элементы одежды.

Сегодня это вечер принадлежал исключительно им и даже если этот момент продлиться всего ничего они обязательно возьмут с него сполна, всё что им причитается и чего они достойны, а именно, друг друга.

***

292 г. от З.Э.

Королевская гавань.

Септа Бейлора.

Верховный септон, ныне прозванный Благочестивым, заместо уничижительного Толстяка, сейчас сидел в своём личном солярии внутри великой септы некогда построенной королями Таргариенов. Его вечернее богослужение подошло к концу в тот же момент, когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, а столица оказалась погружена в темноту.

Вдохновлённая его звучной речью паства возвращалась домой, пока сам главный жрец продолжал истово молиться перед ликами Семерых, которые были прекрасным орнаментом выполнены на потолке и стенах покоев верховного септона.

В последнее время он все реже стал видеть сны откровений, но зато с каждым новым разом они становились всё чётче, от чего глава церкви Семерых в Семи Королевствах чувствовал, что всё ближе подпирается к тайне разгадки неясных картин и образов. Так или иначе, но он продолжал преданно блюсти пост и службу, ожидая, когда боги смогут в полной мере открыть ему свою волю и мудрость. Его влияние, ещё недавно столь ничтожное, в данный момент приближалось к силе грандлордов или самого короля. Крестьяне, ремесленники, торговцы – кровь и кости Семи Королевств истого верили в его слова, донесённые до них с помощью иерархов поменьше и незначительнее.

Несомненно, что подобные изменения не могли обойтись без воли и влияния богов, о чём прекрасно ведал главный жрец, понимая и признавая своё место и роль в божественном замысле. Также он знал и том, что не ему предстоит изменить порочных лордов и леди, тем самым спасти Семь Королевств от холодного могильного ветра, что пробирал Благочестивого септона до костей даже во сне. Не зря боги послали ему знак в виде старинной песни, что издревле передавалась в Просторе из уст в уста. Знал он и о мистическом явлении, что произошло с королевской четой на хайгарденском турнире.

С печалью в сердце жалел верховный септон, что не мог отправиться вместе со свитой короля Роберта, чтобы самолично засвидетельствовать явление спасителя из его снов, однако, он ведал, что это было также предрешено богами. Именно после этого ему стала постепенно открываться истина через божественные послания, изменившие его образ жизни к лучшему, чтобы тот смог стать опорой и верным рупором избранного Семерыми героя, который должен был спасти мир и веру от надвигающейся катастрофы. Благочестивый септон верил, что придёт время и ему удастся встретить избранного спасителя, чтобы раз и навсегда изгнать зло человеческое из сердец власть имущих.

Также он ощущал подбирающуюся к нему опасность, но был готов пожертвовать собой ради праведного дела, если это потребуется. В остальном же боги ничего прямо или косвенно больше не говорили, но Благочестивому септону больше было и не нужно что-либо делать или знать – он и так делал со своей стороны всё возможное. Так и ждал он благостного момента, который должен был прийти и прийти совсем скоро, жрец это чувствовал.

Так как молитва верховного септона проходила в полной тишине, он не мог не услышать тихие и осторожные шаги, что направлялись в его личный солярий, можно сказать в личный храм. Постучав согласно инструкции, дверь открыл и вошёл в неё ближайший соратник главного жреца - септон, что был когда-то против его назначения на данный пост, а сейчас тот, кто был абсолютно предан их общему делу. Не оборачиваясь, ибо верховный септон прекрасно знал о личине посетившего его гостя, Благочестивый жрец всем своим видом выражал полное смирение, давая понять, что будет безразличен к любым новостям, что принесёт ему его младший, с точки зрения должности, товарищ.

- Ворон принёс сообщение из южных земель, господин. – склонился в глубоком поклоне новоприбывший жрец.

В ответ же на полученное высказывание, верховный септон, по прозвищу Благочестивый, медленно поднялся из своей позы для молитвы, чтобы, гордо расправив плечи, обернуться к своему подчинённому с благостным выражением лица. Тиара понтифика, украшенная золотом и драгоценными камнями, сейчас лежала на небольшом столике для работы с документами и святыми писаниями, а потому в свете тусклых лампад выбритая налысо голова понтифика как-то подозрительно свернула, едва-едва покрывшись бликами от отраженного различными поверхностями света свечей.

- Ну, наконец-то. – с облегчением выдохнул главный жрец Вестероса, продолжая держать руки в молитвенном жесте. – Давно пора. Это ведь то, о чём я думаю, Элберт? – обратился Благочестивый септон к своему непосредственному подчинённому по имени, что было весьма редким событием.

- Да, верховный. – кивнул, прикрывая свои голубые глаза, прибывший много лет назад из Долины в Королевскую гавань, септон. – Мы получили подтверждение, что данный человек имеет непосредственную связь с избранником. Он пишет, что желает наладить личную переписку между вами и одним человеком. – передал развернутое сообщение септон с выражением глубокого почтения. Верховный жрец церкви Семерых благодушно принял письмо, а после впился глазами в текст, поглощая написанную там информацию словно губка.

Конечно, можно задаться вопросом, как смел обычный септон, пусть и из совета Праведных, просматривать почту, предназначавшуюся их духовному владыке. Однако, всё становилось намного понятнее, если знать, что практически вся почта направляющая в Септу Бейлора так или иначе предназначалось напрямую главе церкви, особенно в последнее неспокойное время. Опасность отравления или того хуже заражения заразой первого наместника богов было существенной угрозой благополучия веры Семерых, а потому именно члены совета Праведных и их помощники, как правило, просматривали почту верховного священника, естественно, для его безопасности. Да и было её достаточно, чтобы ни одному человеку за всё жизнь с ней было не справиться. Впрочем, как и в каждом правиле есть исключение, такое существовало и в этом деле.

В частности, существовал некий реестр куда верховный священник записывал всех, с кем вёл личную переписку напрямую. Любой адресат, кто будет указан в этом списке, может отправить сообщение понтифику и будет уверен, что содержание данного письма останется секретом между ним и духовным владыкой. Данная традиция пошла ещё с первого верховного септона и исполнялась в соответствии с характерами людей, которые занимали эту должность с момента основания института верховных жрецов ещё в Староместе. Как правило понтифик лично общался исключительно с королями и лордами с сильной армией и влиянием, в остальном же придерживая нейтралитета и традиционализма. Однако, сейчас была совсем иная ситуация.

Текст письма был написан элегантным, но чётким почерком, а автором его был непосредственный лорд Простора и Ромашкового поля, Аллан Олдфлауэрс, чья кровь, согласно архивам, был связана напрямую с родом избранника, сообщения от которого верховный септон ждал так долго. В обычное время подобное сообщение никто в церкви и читать бы не стал, всё-таки пусть это был и глава дома, но это был глава дома, основанного бастардом, а церковь весьма скверно относится к самому факту их существования, даже если те когда-то и признали их в качестве благородного дома.

Для верховного септона этот человек был последней ниточкой, которая могла привести его к искомому человеку, так что в церкви давно перестали обращать внимание на происхождение, лишь бы добиться необходимой цели. Сейчас же для благочестивого в своей вере септона настал момент, которого он ждал уже больше года и был бы готов подождать ещё, если бы потребовалось, но это было уже не нужно. Наконец свершилось то, чего он так долго ждал.

В письме были перечислены традиционные для всех времен приветствия и комплименты, предназначавшиеся непосредственно как церкви, так и ему самому. Затем шёл краткий перечень заслуг благочестивого в своей вере жреца, пока наконец лорд Ромашкового поля не перешёл к делу и не спросил у верховного септона, что тот думает о возможности возникновения личного диалога с одним из его протеже, который имеет весьма праведный нрав и характер, а также непосредственно относится к содержанию воззваний и месс главного в стране жреца.

Собственно, просторский лорд не называл никаких имён, однако верховный септон быстро понял о чём, а точнее о ком велась речь. Да и видел он письма, написанные самим лордом Олдфлауэрсом, когда служил в совете Праведных, так что благочестивый септон мог с уверенностью сказать то, что именем лорда Простора просто воспользовались, однако, печать была подлинной, так что не оставалось сомнений, что написал этот текст непосредственно тот, кого так долго ждал верховный септон.

- Мне написать ему положительный ответ от вашего имени? Внести ли имя этого человека в список реестра? – уточнил септон, что терпеливо ждал пока понтифик закончит чтение. Шло время, а главный жрец оставался немым из-за чего младшему товарищу пришлось обратиться на себя внимание.

- Да, мой дорогой друг, разумеется. – передал письмо трясущимися от нетерпения руками верховный септон. После чего забормотал одну из молитв, чтобы возблагодарить Семерых за услышанные молитвы. – Только вот ответ я напишу лично, а ты пока займись реестром, друг мой. Ты свободен. – выдохнул после долгой молитвы верховный септон, после чего присутствующий в солярии жрец незамедлительно покинул обитель духовного владыки.

Глава церкви Семерых не стал медлить, а потому быстро привёл свои чувства в порядок, чтобы затем обустроиться за своим столом. Открыв ящик с принадлежностями для письма, главный жрец Королевской гавани достал оттуда пачку новых бумажных листов и подсохшую баночку с чернилами, едва полную. В другом ящике он обнаружил слегка потрёпанное перо, после чего приступил к написанию ответно письма, выводя буквы легким и аккуратным почерком. Ничто не могло в данный момент остановить энтузиазм верховного септона, так что понтифик не отказывал себе ни в каких формах выражения радости и почтения. Где-то в глубине души он чувствовал, что его силы и труд были вложены не напрасно.

Ответное письмо понтифика полнилось заверениями в согласии и преданности человеку, которого избрали Семеро для того, чтобы тот стал проводником их воли в этом мире. Верховный жрец писал о желании и возможности сделать со своей стороны всё возможное и необходимое для помощи этому человеку, что по слухам носил имя давно сгинувшего благословенного рода. Ручался не только за себя, но и за преданность веры, в частности. Ничто не могло поколебать уверенность и решимость верховного септона в этот момент, он словно

переживал новое возрождение своей веры, возможно, в последний раз.

Закончив с особой осторожностью, упомянув, что будет ждать следующего письма в самом конце, Благочестивый верховный септон сложил письмо, а затем скрепил его своей личной особой печатью, предварительно капнув воском, само собой. Более ничего не заботило верховного жреца в тот вечер. Вызвав своего ближайшего соратника ещё раз и передав тому письмо, главный жрец удалился в свои покои для того, чтобы набраться сил для утреннего богослужения. Казалось бы, ничто не грозит данного человеку, что едва прикоснулся к мудрости богов, однако тучи над головой духовного владыки сгущались.

***

292 г. от З.Э.

Дорн.

Солнечное копьё.

Прекрасный в своём великолепии и закатном солнце дворец с ярко выделяющимся ройнарским стилем мягко отходил ко сну. Окружённая с трёх сторон Летним морем, данная крепость являлась многие века бессменной вотчиной андальского рода, что в стародавние времена объединился с последними выжившими ройнарскими беженцами и который стал именоваться не иначе, как Нимерос-Мартелл. Владыки Дорна были одними из немногих за всё историю, кому удалось одолеть Таргариенов на пике их могущества, но как это часто и бывает, те времена давно уже прошли.

В данный момент внутри дворца с прекрасными орнаментами и лепниной вели разговор двое братьев со значительной разницей в возрасте. На страже солярия, в котором проходил разговор братьев, стоял мощный и высокий норвосиец – Арео Хотах, капитан личной стражи дорнийского принца Дорана Мартелла. Через этого воина не могла бы проскочить и мышь, что уж говорить о людях.

Сам разговор двух принцев проходил в строгой секретности, т.к. дела, которые там обсуждались могли повлиять на судьбу всего Дорна и в значительной степени на все Семь Королевств. Прошло немало лет со злополучного восстания Роберта Баратеона, в огне которого погибла возлюбленная сестра рода и её малые дети. Обвинённые в их смерти лично, так и не понесли заслуженного наказания, оставив в груди дорнийцев зияющую рану, которую могла закрыть только праведная месть всех вовлеченных в это ужасное событие людей.

Однако, Дорн был лишен союзников в своём желании отмщения, потому семья владык Солнечного копья решила вести долгую игру со ставкой на истинных владык континента – Таргариенов, последних из их безумного рода, скрывавшихся где-то в Вольных городах. Расставляя сети, плетя интриги и выжидая нужного момента, потомки Нимерии не могли не видеть происходящие события, что подтачивали власть узурпатора на Железном троне по всей подвластной ему территории. Это был шанс и это была возможность, которой можно было бы

воспользоваться, если грамотно разыграть имеющиеся на доске фигуры.

На одном из удобных восточных диванов, что были популярны в Вольных городах, восседал бледный мужчина со смуглой кожей, чьё лицо было покрыто слоем слегка растрепанной черной бородой. Его глаза цепко и внимательно смотрели за фигурой мечущегося по солярию человека, который имел схожие с ним самим черты лица, но отличающийся более горячим и таким привычным для юга Вестероса взрывным нравом. В руке сидевшего принца Дорана, а никем иным данный человек быть не мог, была зажата трость аккуратной и сдержанной выделки, которую тот стал носить не так давно, после того как его болезнь стала давать о себе знать.

Владыка Дорна страдал в свои годы от болезни известной как подагра, что с возрастом лишь усиливалась, превращая вполне здорового мужчину в калеку, постепенно отбирая у него возможность ходить и ясно мыслить под воздействием усиливающихся болей в нижней части его тела. Это не могло никоим образом подточить решимость старшего Мартелла, но тот прекрасно понимал, что в скором времени ему придётся озаботиться своим заболеванием в полной мере, т.к. успокоенные вассалы могут в любой момент поднять свою голову, почувствовав слабость своего принца. От того в последнее время Дорана можно было увидеть сильно задумчивым и пребывающим в различных размышлениях. Принц Дорна стал понимать, что сам он не вечен, а лекарства от прогрессирующей болезни не было.

Оберин же был полной противоположностью выдержанного в следствии болезни и собственного характера брата. Взрывной и горячий, тот имел в народе прозвище Красный змей и всегда стремился к действию, готовый на любые безумства и подвиги ради удовлетворения собственных интересов и желаний. Только старший брат мог как-либо оберегать младшего от совершения глупостей и ошибок, но ройнарская кровь, текущая в его жилах нет-нет, да призывала Мартелла к действию.

В отличие от своего старшего брата, который был женат, но чья любовь давно угасла, Оберин имел вполне счастливые отношения с официальной любовницей и несколько детей бастардов, правда Семеро одаривали его исключительно девочками, так что в семье Мартеллов на данный момент царила определённая идиллия и общность в своём стремлении к правосудию. Известный своим умением во владении копьём, Красный змей успел побывать во многих уголках Вестероса и Эссоса, набираясь опыта и впечатлений. Грозную славу ему принесло участие в различных конфликтах на песчаном континенте, в которых младший из братьев Мартелл участвовал в качестве наёмников. Потому-то полезные связи и информация так или иначе имелись у обоих, но при всём при этом своего старшего брата Оберин уважал и во всём слушался, не претендуя на место владыки Дорна ни словом, ни делом.

- Разве это не наш шанс, брат? – нервно и беспокойно обратился Красный змей к владыке Солнечного копья, продолжая вышагивать размеренным шагом из одного конца помещения в другое. Одет тот был в золотистый халат с изображением гербов Мартеллов на нём, что подчеркивал его острый нос и угрюмое, в данный момент, сосредоточенное лицо. – Если мы отправим предложение верховному септону с нашими требованиями, то он будет обязан удовлетворить их согласно обычаям веры. – внезапно остановился Оберин, впиваясь выжидающим взглядом в фигуру больного брата.

- Не будь столь категоричным, Оберин. – мягко осадил брата Доран. – Да, церковь в последнее время не в лучших отношениях с Железным троном, но это не отменяет того факта, что она полностью лишена политического влияния. Тайвин Ланнистер, как и всегда до этого, только рассмеётся и проигнорирует наше предложение о суде поединком, даже если на то даст добро верховный септон, он не сможет принудить Льва к его выполнению. По крайней мере пока. – покачал головой дорнийский принц, его черные волосы слегка разметались, когда старший Мартелл откинул голову на спинку дивана.

- Разве не чего-то подобного мы ждали всё это время? Церковь готова драться с короной и может стать нашим ценным союзником, которого мы так долго искали. Разве не стоит хотя бы попробовать выразить своё намерение? – не отступал Красный змей, считая, что за много лет ожидания, фортуна впервые повернулась лицом к дому Мартеллов.

- Не спеши думать, что если кто-то выступает против Баратеонов и Ланнистеров, то он обязательно станет нашим союзником, Оберин. – глухо отозвался на вопросы младшего брата Доран. – Если бы ты внимательно слушал о чём говорят септоны, как у нас, так и во всех других частях Семи Королевств, то понял бы, что церковь Семерых нам вовсе не союзник, а скорее потенциальный опасный противник.

- О чём ты? – уточнил Красный змей, опираясь на одну из стен солярия и сложив руки на груди, выражая таким образом своё недовольство от непонимания слов своего брата.

- Одно из главных обвинений, которое верховный септон вменяет Баратеону, это грех кровосмешения. – спокойно и доходчиво объяснял владыка Дорна. – Жрецы указывают, что все беды королевства связаны в первую очередь с тем, что узурпатор является наследником Таргариенов, как по наследию, так и по крови. Здесь, конечно, трудно возразить, но вместе с этим обвинения выглядели бы весьма притянуто за уши, если бы не остальные, рассказывающие о блуде, пьянстве и мотовстве обитателей Красного замка.

- Не помню, чтобы это когда-либо проблемой. – усмехнулся Красный змей, комментируя сказанное.

- Всё так, если бы мы жили в прошлом Семи Королевств. Однако, наступила новая эпоха и новая династия, чьё положение в первую очередь держится на кровном союзе северных королевств. От того особого пиетета чернь королю не испытывает. Конечно, в начале его правления все ожидали долгожданных перемен и возлагали на Демона Трезубца большие надежды, однако по прошествию лет стало ясно, что из Баратеона паршивый король. Коррупция на улицах города и долги в которые залезла корона подстегнули нового мастера над монетой повысить некоторые налоги. Недовольство зрело, а поднявшей голову церкви оставалось только оседлать народный гнев, что у них успехом и получилось. – продолжил Доран Мартелл размышлять вслух, делясь своими мыслями и наблюдениями с родным братом.

- Думаешь за верховным септоном кто-то стоит? Или же старик сам решил от дурости заделаться игроком? – слова брата заставили Красного змея крепко задуматься.

- Возможно. – не стал отрицать Доран, после чего осторожно поднялся с дивана и доковылял до своего рабочего стола, где бегло просмотрел разложенные на нём записки и документы. – Однако, сообщения соглядатаев говорят о том, что не всё так просто. Помнишь о том случае, произошедшим на хайгарденском турнире пару лет назад?

- Ты о том инциденте, когда мейстеры посходили с ума, а на пире Тиреллов появился безумец утверждающий, что он живой Гарденер? – вскинул бровь Оберин, который считал данную историю весьма забавной, но не более того.

- Именно. – присел принц Дорна на свой стул. – Только вот поиски этого человека выдуться до сих пор, а в кулуарах просторцев разговоры о данном инциденте не стихают и по сей день. Тиреллы стараются как могут, чтобы замять происшествие, но пока что слухи только крепятся и расходятся, один краше другого.

- К примеру? – заинтересованно подался вперёд младший из братьев Мартелл, склоняясь над документами хозяина замка. Всё-таки Доран никогда не заводил с ним пустые разговоры.

Из последних подобных сообщений. – вытянул старший Мартелл одну из бумаг. – Чудодейственное возрождение земель Тамблтона, который не единожды был подвергнут разорению во время Танца Драконов. Сейчас город переживает второй рассвет, а по городу и окрестным землям ходят слухи о странном человеке, который приезжал в Малые Шипы. Именно с его появлением горожане связывают избавление от драконьего проклятия, что поразили земли Футли довольно давно. Никто толком не видел его лица, по крайней мере из тех, у кого мои люди брали эту информацию. Сам лорд Футли никак данное событие не комментирует, называя божественной милостью. Прибывшие на осмотр Тиреллы также не смогли ничего добиться или узнать. – описал Доран происходящее на северо-западных рубежах Простора.

- Хм. Может быть, земля сама смогла восстановиться? – предположил Красный змей, но был встречен скептичным настроем старшего Мартелла. – Конечно. Глупый вопрос. Я ведь бы в Эссосе и знаю, что даже там за сотни лет ничего подобного не случалось. – осознал и принял свою ошибку Оберин, хотя и с не охотой.

- Это ещё не всё. – продолжил Доран, после того, как разобрался с небрежным высказыванием брата. – Мои люди также прошлись по окрестным поселениям, чтобы быть точно уверенными, что они ничего не пропустили. Как оказалось люди Футли сопровождали странного человека, что никогда не открывал своего лица на людях. После того, как они останавливались на подворье на ночлег, люди, страдающие от болезни или находящиеся из-за них на смертном одре, резко выздоровели, но после того никто более не видел этого человека, как и солдат Футли, что исчезали бесследно под самое утро. – рассказал владыка Дорна, чьё состояние заставляло остро реагировать на любые сообщения о чудесном исцелении.

- Думаешь это правда? - с сомнением протянул Оберин, который видел много чего необычного в Вольных городах, но при этом ни одно их них не выбивалось за рамки обычного. - Думаешь этот человек и этот… Гарденер одно лицо?

- Пока что все факты указывают на это. – кивнул на вопрос младшего брата хозяин Солнечного копья. – Да и конфликт с церковью у короны начался примерно в тоже время, как он появился в Хайгарденере. Это не просто совпадения, Оберин. – серьёзно посмотрел в глаза Красного змея Доран. – Это закономерность, исходящая из одной определённой и известной во времени точки.

- Предлагаешь мне найти его? – словно читая мысли старшего брата, задал вопрос младший из принцев.

- Не сейчас, по крайней мере. Тем более, что пока что его дальнейшие шаги трудно предугадать. Полагаю не только нам, но и всем остальным кто так или иначе заинтересован в данных событиях. Он может стать хорошим и могущественным союзником, но лишь на время. – остудил пыл горячего дорнийца хозяин Дорна.

- На время? Почему? – не понял данного уточнения младший из принцев, гадая, что же имел ввиду его старший брат.

- Если он действительно тот, кем себя называет. – мрачно отвечал Красному змею Доран. – Или же даже просто именуется подобным именем. В таком случае Таргариены, Баратеоны и мы с тобой, брат, наша семья для него извечные враги. – подвел черту в данном разговоре хозяин Солнечного копья.

http://tl.rulate.ru/book/82574/3676181